

Главный проспект Серова.

Вот улицу Ленина, в отличие от ряда других, никто теперь и не называет пинией. Спрашиваешь: «Где?». И отвечают: «На Ленина». Ладно хоть не «на Ленине» И никто уже не скажет: «в восьмой линии» или «в десятой линии». Почему такая двойственность? Да потому, что нынешняя улица Ленина еще менее полувека назад состояла как бы из двух: улицы Артема Сергеева (8 линия) и улицы Демьяна Бедного (10 линия). Вот еще особенность нашего города: стоишь на перекрестке, скажем ул. Л. Толстого. Сделал шаг в одну сторону — ты уже на улице Кирова, сделал в другую — на улице Октябрьской революции. Вот то же самое было и с улицами, превратившимися сегодня в главный проспект города — улицей Ленина.

Интересная все-таки штука память. Все время подбрасывает из прошлого какие-то отрывочные, вроде бы ничего не значащие, эпизоды, которые складываются в странный калейдоскоп случаев из жизни, отрывков прочитанного, увиденного.

Артем Сергеев, кто он? Наш земляк, надеждинец. Большевик, делегат пятого, Лондонского съезда РСДРП от рабочих Богословского горного округа. Жил он в доме на нынешней улице Февральской революции. И вообще никакой он не Артем, а Андриан Евлампиевич, сын крестьянина из Староутинского завода, который в 1890 году основал собственную лавчонку в селе Филькино, но брал подряды и на обжиг угля. А когда пустили завод, подался туда.

В «политику» Андриана ввел его друг Александр Горшков. А Сергеев участвовал в маевках, расклеивал листовки, был арестован, выслан из Надеждинска. Словом, в 21 год он стал профессиональным революционером, а в 1907 году был избран делегатом Лондонского съезда.

После революции Сергеев работал на Дальнем Востоке, участвовал в экспедициях как специалист по горному делу, трудился в Москве в системе тяжелого машиностроения. Умер в 1937 году Похоронен на Новодевичьем кладбище. Понятно, почему 8 линия носила имя этого человека.

В 10-й линии достраивается новая школа N20. Мы будем в ней учиться. Но приходит 1 сентября и (о, романтика) оказывается, новая школа еще не подготовлена, мы начинаем учебный год в 22-й школе, с третьей смены. Да еще впервые учиться будем вместе с девчонками (до 1954 года были отдельно мужские и женские школы). Начинали в 5 часов и — до 10. Домой возвращались затемно. А некоторые еще и девочек провожали... Неожиданно, неизведанно, странно.

Проучились мы так до середины октября. А потом переехали в новое здание. Помогали разгружать мебель, книги, приборы. 19 октября — первый день занятий в новых классах. Тогда как-то никто не придавал значения странному совпадению. 19 октября — и день открытия Царскосельского лицея, Пушкинского лицея...

Подумать только: нынче 19 октября школа N20 будет отмечать 50-летие! Неужели уже полвека прошло?! А словно бы вчера все было. И первые школьные вечера, где девочки танцевали с девочками, а мальчишки подпирали стенку, застенчиво толкаясь и перебрасываясь ничего не значащими фразами. А сами как бы невзначай во все глаза глядели на таких

уже привычных Людок, Нинок, Галок, которые сегодня — такие загадочные и... ну чего уж там — красивые. И осенние выходы «на картошку» куда-то в район Новой Колы. И трудовые «успехи»... Вот об «успехах» — особый сказ.

Как-то на четвертом уроке в класс зашел завхоз. Требуются добровольцы на погрузку и выгрузку машины угля для школьной котельной (центральное отопление появится много позже). Все парни рванулись на погрузку. Надеялись быстренько все закончить, и домой рвануть. Отобрали человек десять. Но уголек грузить оказалось не то что за партой сидеть. Когда мы только начали сыпать уголь из машины во дворе школы, наши менее склонные к трудовым подвигам одноклассники уже отправились домой, мимоходом выражая нам сочувствие и подбадривая. Закончили мы свою эпопею где-то часам к трем, а потом еще долго отмывались от угольной пыли. Так нам был преподан урок «аккордного труда».

На улице Демьяна Бедного, неподалеку от школы, стоял деревянный старый дом, где жил мой приятель Володя Калашников. Как-то уже после получения аттестатов в его дворе собрались мы небольшой компанией, обсуждали какие-то свои дела. Не таясь уже, попыхивали «Беломорами» и «Примами».

— А-а, ребята, хватит уже о серьезном. Давайте-ка что-нибудь попроще.

— А что? Разве винишка купить?

— Поскребли по карманам, насобирали рублей и мелочи и отправили меня в 39-й магазин (он и теперь на том же месте, даже называют его по старинке). Хватило на «бомбу» какого-то портвейна. Радостный бегу обратно, открываю дверь во двор.

— Ну что, принес? - общий вопрос.

— А вот она!

Я поднимаю за горлышко бутылку. И... она выскользывает из пальцев. Как в замедленной съемке: медленно вращающаяся бутылка приближается к земле. Расширенные глаза ребят, раскрытые в «ах» рты. Оцепенение. И в этот момент «бомба»... втыкается горлышком точненько между подгнивших досок тротуара. И... остается целехонькой. Тишина взрывается, сами понимаете, чем. Уже этому-то мы обучались и в школе и на улице. Впрочем, бутылочка была мирно распита и беседа продолжалась.

Дома того давно уже нет. Как раз на этом месте **кинотеатр «Родина»**.

Самый большой кинотеатр в городе был открыт 21 января 1962 года. Широкоэкранный. И уже на улице Ленина. В нем все было необычно: и внешний вид — этакий оранжевый куб в желтую клетку, и зал чуть ли не на тысячу мест, и громадный 17-метровый экран. А первым в нем показали польский фильм «Крестоносцы».

«Родина» — это не только новые фильмы. Это и кинопанорамы, и портреты режиссеров, и встречи с актерами кино. И кто только не перебивал на невысокой эстраде «Родины» перед экраном: Владислав Дворжецкий, Виктория Федорова, Гунар Цилинский... И конечно же, наш Эрнст Романов. Директором кинотеатра тогда была Евдокия Михайловна Морковникова. она всегда поддерживала все новинки в, как тогда говорили, работе со зрителем...».

...Умер Шукшин. Решили с Евдокией Михайловной провести вечер памяти. И фильм оказался в прокате — «Калина красная». В тот день случайно встретились в горкоме партии (тоже, кстати, на улице Ленина), было какое-то совещание по культуре. Сидим, ждем.

— Ох, боюсь мало народу придет на сеанс, — вздыхает Морковникова, — Афишу-то только-только вывесили.

— Ничего, соберутся. Шукшина все знают, — успокаиваю я ее.

— О чем это вы? — интересуется инструкторша горкома.

— Да вот, вечер памяти Василия Макаровича Шукшина решили провести.

— А что, установка такая сверху была?.. — вопрошает горкомовская дама.

— Да нет. Но ведь замечательный писатель, актер, кинорежиссер умер.

— Ну, не знаю. Без «установки»...

— Простите, а если бы у вас кто-то близкий умер, вы бы тоже «установку» ждали? — не сдерживаюсь я.

— Но ведь он же не «кто-то близкий», — следует невозмутимый ответ.

Немая сцена.

Кстати, вечер тот прошел при переполненном зале, много было сказано добрых слов о Шукшине, а после фильма раздались аплодисменты. И никто не рвался быстрее выйти на улицу.

Девятиэтажка на перекрестке Ленина и Красноармейской. Стегляшка книжного магазина. Стеллажи, на которые на короткий срок выставляются экземпляры нового книжного поступления и в короткий срок разбирается все более или менее интересное. Скучные стенды «политической литературы, аккуратно переплетенные, на хорошей бумаге тома «сочинении» Живкова, Ульбрихта, Кадара и других. Но больше всего Брежнев, Брежнев, Брежнев.

Страстные любители подписных изданий регулярно пересчитывающиеся и отмечающиеся. Другим сюда соваться бесполезно. Подписываются на все. Порою не для чтения, а чтобы в книжном шкафу было красиво. Книги, как предмет мебели. И такое было.

А еще один книжный магазин, (его открыли в конце 50-х) помещался в большом пятиэтажном доме между Зеленой и Л.Толстого. Позже там долгое время была булочная. А за период перестройки сменилось несколько магазинов. В старших классах школы мы с приятелем Павликом Хаймовичем сделали страстными книголюбями. А потому все деньги, даваемые родителями на школьные завтраки, копились и на них покупались книжки. Интересные. И до сих пор в моей библиотеке сохранились приобретенные тогда «Дети капитана Гранта», «Три мушкетера» и «Похождения Бравого солдата Швейка» — страшный дефицит для того времени.

Как мы умудрялись этот дефицит покупать? Да очень просто. Почти каждый день наведывались в этот книжный магазин, благо - неподалеку от школы. Познакомились с девушками-продавцами, которые были ненамного старше нас. От них узнавали, когда будет новое поступление литературы, и если позволяло время (а порой и с уроков сбегали) прибегали в магазин как раз к привозу книг. Помогали девушкам разгрузить машину, разобрать полученную литературу и... И начинался интеллектуальный пир. Мы выхватывали то один, то другой том, жадно листали и...откладывали. Хотелось бы купить многое, но денег сэкономленных на желудке, хватало всего на одну, максимум на две книжки. И все-таки мы были счастливы.

Темновата ты была тогда улица «пролетарского поэта» Демьяна Бедного, которая ныне — улица Ленина). Но это если сравнивать с сегодня. А в те времена, казалось, так даже очень хорошо освещена. В молодости у нас была своя точка прощания с друзьями — под фонарем на углу у 39-го магазина. Поговорим еще немного, пожмем руки и — в разные стороны, по домам.

Как-то после подготовки во Дворце культуры к очередной КВНской (тогда тоже были КВНы, да еще какие!) баталии, вот так же остановились под фонарем члены команды метзавода. Стоим, оживленно переговариваемся. И вдруг видим: мерным шагом людей, сознающих свою власть, приближаются к нам Он и Она. Оба в милицейской форме. Он еще и дубинкой резиновой помахивает (тогда их только-только ввели). Наши ровесники, может, даже чуть помоложе. Она — ничего себе, только губки сжаты в полосочку, сама неприступность. Он более понятен: фуражечка к затылку, чубчик на лобик. Подошли. Смотрят на нас. Прямо сверлят взглядом. Мы — на них. Через минут пять он ледяным тоном, помахивая дубинкой, произносит:

– А чего это вы здесь собрались?

– Стоим, разговариваем.

– Снова молчание. И тут самый старший из нас — Эрик Каюдин, инженер проектного отдела, вежливенько так спрашивает:

– А в чем, собственно, дело?

– А чего вы здесь стоите? — следует невразумительный вопрос-ответ. — Давайте расходитесь...

– Мы стоим, беседуем, вполне трезвые, никому не мешаем... А вы вот даже не представились... Как это понимать,— наглет Каюдин. Милиционерша тянет напарника за рукав: «Да ну их, пойдём». Мы понимаем, что стычку эту неспровоцированную выиграла

— И больше трех не собираться! — изрекает напоследок страж порядка. И тут мы не выдерживаем. Мы хохочем. И от этого хохота «фуражка» как-то съеживается, сникает. А мы еще долго не можем успокоиться. Что это за люди были, почему так вели себя? Мы сошлись в мнении, что, видимо, парня только-только приняли в милицию, вполне возможно, это было первое их дежурство. Ну и решил пофорсить перед напарницей. Захотелось власть свою показать. Вот и «показал» таким глупым способом.

Ни в коем случае не хочу бросить тень на нашу милицию. Случай этот произошел давно, да и права ведь пословица: в семье — не без урода.

А что же **Демьян Бедный**? За какие такие заслуги улицу, пусть тогда не главную, но одну из главных, назвали в честь, в общем то, заурядного стихотворца (или баснописца) Ефима Придворова. Своей фамилии (хотя и родился в бедной крестьянской семье) он застыдился, стихи и басни печатавшиеся в большевистских газетах подписывал «Демьян Бедный». Сегодня его творчество вряд ли кого интересует, кроме специалистов-литературоведов. Разве что обращенное в песню и ставшее народным (уже немало!) стихотворение «Проводы». Помните:

«Как родная меня мать провожала —

Тут как вся моя семья набежала:

Ох, куда ты, паренек, ох, куда ты?

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...»

Ну и так далее.

Небывалая в истории русской литературы карьера: на протяжении трех лет (и это в голодные 20-е годы!) чуть ли не 90 процентов бумажного фонда страны расходовалось на печатание листовок и брошюр, в которых «внук дедушки Крылова» разъяснял «безграмотному» народу политику советской власти. Демьян Бедный в те годы был самым печатаемым автором в стране. В 1925 году Д.Бедный «прославился». В газетах «Правда» и «Беднота» появилась его грязная поэма «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна».

Это собрание цинично-площадных куплетов вызвало возмущение всех образованных людей России. Д.Бедный развязно потешался над сокровенными человеческими чувствами, шутовски издевался над историей России, ее нравами, обычаями, добротой русского человека.

Отповедь кремлевскому пошляку дал Сергей Есенин в «Послании «евангелисту» Демьяну». Это стихотворение распространялось тайно, за его чтение и хранение людей ссылали и даже расстреливали. Стихи хлестко били по «внуку Крылова».

*«... Ты сгусток крови у креста-
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.
А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где образцовый блуд печатался дуплетом,
Еще отчаянней потянется к Христу,
Тебе же — мат пошлет при этом».*

Нет, правильно переименовали улицу. Ну, был такой «пролетарский поэт», да и мало ли их было да в небытие кануло. Зачем же его именем улицы называть? Стоит ли он того?

За полвека на улице Ленина будут построены и школа №27, и девятиэтажки, и магазины в них. С годами улица Ленина приняла свой сегодняшний облик, стала широкой, красивой, протянулась через весь город. И сейчас уже никто не вспомнит, что текла когда-то неподалеку Черная речка (это на восток от центра), и уже почти невидимым ручейком пересекает улицу закрытая в трубу Белая речка (это на западе). А вместо деревянных стоят на ней новые и не совсем многоэтажки.

Живи, улица Ленина, главный проспект сегодняшнего Серова!

Карьков, В. Главный проспект Серова / В. Карьков // Серовский рабочий. – 2004. - 9 апреля. - С.3.